

О фарисее с любовью

Игумен Нектарий (Морозов)

Как минимум раз в год, а на деле, конечно, чаще, мы вспоминаем фарисея из рассказанной Спасителем притчи. Главным образом для того вспоминаем, чтобы кого-то обличить в нехристианском, а именно фарисейском, отношении к ближнему. Основные приметы отношения этого суть: превознесение до небес своих собственных добродетелей, похвальба ими, уничижение окружающих людей-грешников, угадывание и тонкое, придиричиво-презрительное рассмотрение их немощей и пороков. А также – чрезмерное внимание к внешнему и небрежение о внутреннем. И мы нередко говорим о ком-то: «Ну, он фарисей!». Или еще: «Это какое же фарисейство!».

А я вот думаю о фарисее из притчи, и мне его почему-то очень жалко. И не только потому, что он вышел из храма «менее оправданным», чем мытарь, хотя и поэтому тоже. В сущности, что нам такого уж плохого о нем известно, чего это мы на него так ополчились, что почти две тысячи лет не даем духу его покоя, но все поминаем и поминаем его недобрым словом. Каким именно? Да этим: «фарисей».

А может, есть в слове сем и что-то доброе? А может, и в нем, «менее оправданном», тоже что-то положительное удастся найти?

По мне, так точно удастся.

«Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю...». Что в этом плохого? И что плохого в том, что он не «как прочие люди, грабители, обидчики,

прелюбодеи»? Разве только то, что он сам об этом говорит, сам о себе свидетельствует... Но

он же сам и благодарит за это: «Боже, благодарю Тебя». То есть понимает, судя по всему, что если бы не Господь, то не смог бы он устоять в добре, не совершил бы ни одного из дел добродетели, о которых тут речь.

Да, погрешает он, безусловно, в том, что допускает в сердце превозношение над «прочими», а особенно над плачущим о грехах своих мытарем, которого Бог за эти слезы и смирение уже оправдал. Но разве нет у нас причин для того, чтобы и его, фарисея, хотя бы отчасти, хотя бы чуть-чуть оправдать? Когда сам трудишься, подвизаешься, удерживаешься от греха, по крайней мере, делом, то так легко ►

впасть в осуждение! Враг не оставит тебя в покое, но постоянно будет искушать видением грехов чужих, ярким и красочным. И не менее ярким и красочным видением твоих подвигов. И более того: «праведный» гнев будет рождаться в твоём сердце при созерцании чужих беззаконий: ведь беззаконующий не просто позорит высокое звание человеческое, он Бога своими грехами оскорбляет! Как не сердиться на него за это, когда ты сам более всего боишься оскорбить Творца, считаешь это за главное несчастье в жизни? Вот и фарисей, бедный, на этом неровном месте преткнется и падает. А мы и рады его, окаянному, пригвоздить к позорному столбу...

А вероятнее всего, и больше. Нам кажется, что мы все понимаем: вот «плохой фарисей», вот «хороший мытарь», грешный праведник и праведный грешник. Но когда на путях своей собственной жизни встречаем очередного «мытаря» (то бишь грешника), не замедляем с тем, чтобы и его осудить. Так и «спасаемся»: не имея дел одного и смирения другого, превозносимся, тем не менее, над обоими, в худшем каждому подражаем, а лучшего и не касаемся.

Но все же это не значит, что мы совсем пропащие. Милостив Господь, и если нет для нас другого шанса прозреть, то многообразными образами Он попускает нам познавать

Нам кажется, что мы все понимаем: вот «плохой фарисей», вот «хороший мытарь», грешный праведник и праведный грешник. Но когда на путях своей собственной жизни встречаем очередного «мытаря» (то бишь грешника), не замедляем с тем, чтобы и его осудить.

Только почему рады-то? Не потому ли, почему почти всегда нам так хочется кого-то «заклеймить», «приговорить» или, по крайней мере, принизить? Ведь только согласимся с помыслом о том, что кто-либо плох, никуда не годен, и, глядишь, мы сами окажемся не так уж плохи и сгодимся на что-нибудь. Вот и фарисея так сладко и так отрадно привычно осуждать! Можно уже и забыть о его вполне реальных добродетелях, можно не давать им никакой цены (они же отравлены гордостью и превозношением!), можно увериться, что с нас этого, внешнего, делания Господь не спросит, мы-то знаем, что внутреннее куда важнее! Знаем и... внутренне сами же осуждаем фарисея и превозносимся над ним. И становимся, таким образом, судя по всему, фарисеями в квадрате, не меньше.

наше убожество и окаянство, нашу предельную нищету и слабость, так что поневоле мы порой твердим уже не молитву того и молитву другого, а свою собственную: «Боже, благодарю Тебя, что дал мне познать и сердцем ощутить, что я, а не кто-то, хуже всех. Худость же свою с сокрушением исповедую и от сознания ее милости смиренно прошу».

Хотя... Почему только собственную? Может, и фарисей так же молился вскоре после описанного Господом эпизода? Не исключено. Бог «всем хочет спастись и в разум истины прийти». Не только мытарям, но и фарисеям в том числе...

www.pravoslavie.ru

Евангельское чтение

Притча о мытаре и фарисее (Лк. 18:10–14)

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь.

Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Проповедь на Евангельское чтение

Протоиерей Алексей Уминский

Пришли два человека в храм помолиться. Один из них – фарисей, а другой – мытарь. И фарисей молился: «Господи, благодарю, что я не такой, как прочие». А мытарь стоял и, не смея возвести глаза к небу, говорил: «Боже, милостив буди мне, грешному». И первый ушел осужденным, а второй оправданным, потому что кто будет смирать себя, тот будет вознесен, и наоборот.

Так очень часто бывает и с нами. Мы приходим в храм, как мытари, а потом почему-то вдруг становимся, как фарисеи. Первый приход человека в храм, решительный, важный – это приход мытаря, приход в состоянии поверженном и сокрушенном. И Господь удивительным образом снисходит к такому человеку, возносит его, действительно возвышает до Себя только ради этих слов, ради сокрушения сердечного, невозможности быть и дальше таким мытарем, нести на себе груз лжи и развращенности. Невозможно жить с

грехом. Грех – это мука. Грех – это ад. И вот когда человек с таким пониманием приходит к Богу, Господь видит его, милует и возносит до Себя.

Когда Господь возносит человека, тот сразу чувствует, что он изменился, что жизнь его стала сродни свободе. И он не может не говорить Господу от всей души: «Господи, благодарю Тебя!» Оглядывается назад, а рядом стоит мытарь, такой же, каким был он сам, и восклицает: «Благодарю тебя, что я не такой, как он!»

Да, такое бывает. Приходит человек в храм, стоит, молится – красивый, благообразный, с благородными чертами лица, по виду христианин – оборачивается, а рядом стоит панк с оранжевыми волосами, и человек восклицает: «Господи, благодарю Тебя, что я не такой. Слава Тебе Господи, что я не такой!»

Мы выходим в мир, видим, какой он страшный, и благодарим Господа, что мы не ►

такие, как эти и эти, и эти... И с этого момента приходится признать: если мы так чувствуем, значит мы перестали двигаться к Богу, в нас больше нет того, что может нас до Христа довести. В этот момент мы потеряли желание искать Бога. А фарисеем человек становится именно тогда, когда престаёт искать Бога, когда начинает думать, что он все в своей жизни уже нашел, и в этом состоянии может спокойно пребывать, любясь собой, измеряя свою жизнь своими добрыми поступками, своим личным благочестием: именно благочестием, именно праведной жизнью, именно добрыми делами, милосердием, постом и молитвой, именно тем, чем определяется наша жизнь христианская.

Но это-то и страшно: то, что дается человеку как путь, становится для него камнем преткновения. Когда этот путь уже никуда не ведет, когда этот путь кончается остановкой и определяется не Богом, а самим человеком, оказывается, что он дошел просто до самого себя. Он собой доволен, ему больше ничего не надо и некуда больше идти. Вот это и есть фарисейство. Страшное фарисейство настигает нас совершенно незаметно, когда мы полны желания жить благочестиво, жить, как нам кажется, в Боге, потому что мы считаем, что все, что мы делали, мы делали для Бога. А Богу этого не надо. Ему не нужны эти наши дела. Ему не нужны наши добрые поступки, которые делают нас фарисеями.

Это страшное состояние, которым мы все болеем. Жизнь христианская – это беспрестанный, бесконечный путь к Богу, когда человек ищет Бога, когда ему без Бога плохо, когда он постоянно ощущает свое сиротство, свое несовершенство, находится в состоянии покаяния, постоянного изменения самого себя. И только это состояние глубочайшего сокрушения перед Господом делает нас способными к Нему приобщиться. Только в этом состоянии Господь доводит человека до Себя.

До самого последнего дня мы будем

говорить, что мы грешны, потому что пока мы это говорим, Господь нас будет миловать, будет нам прощать и будет нас любить. Как только мы скажем: «Наконец-то мы праведники! Благодарю Тебя, Господи, что я не такой, как прочие человеки!» – как только мы это скажем – все, мы тем самым отвернемся от Бога.

Господь к грешникам пришел, а не к праведникам, не к тем, которые довольны своим благочестием и считают, что им некуда больше идти, которым хорошо – в храме, на молитве, среди своих. Это правильно, так и должно быть, но это совсем не то, ради чего мы пришли в храм. Если мы пришли для того, чтобы наша жизнь стала уютной, комфортной и спокойной, то мы ошиблись, мы не по адресу пришли. Евангелие нам совсем о другом говорит.

Все, кто хочет жить благочестиво во Христе, будут гонимы (2 Тим.3:12), – говорит апостол Павел. Вот, какими они будут – гонимыми. Мир не можем примириться с таким человеком.

Действительно, хороший человек пришел в храм, милосердный постник, подвижник. Пришел, а остался без Бога. Это слово к нам обращено, заставляет нас задуматься: «Мы ради чего пришли к Богу? Почему мы христианами называемся? Где наше место рядом с Ним? Почему наша жизнь не меняется? Почему мы остановились на месте? Почему мы никуда не идем?»

Не будем бояться быть грешниками. Мы знаем, что мы грешники, нам от этого горько, но нам и радостно, потому что Господь ради грешников в мир пришел, чтобы их спасти. Праведникам не нужен Христос, им и без Него хорошо. А грешникам без Христа деваться некуда.

www.azbyka.ru

Труд любви

Из интервью с архимандритом Саввой (Мажуко)

– В своих статьях, эссе, проповедях вы так много говорите о том, что это главное в Христианстве – закон любви, и если из всей этой сложной системы жизни – церковной, исторической, догматической – исчезает любовь, то вообще ничего не остается.

– Любовь – это дар. Ее нельзя заслужить, нельзя добиться какими-то нашими усилиями. И я думаю, что наша задача – просто учиться любить. В семье, в обществе, в Церкви мы, прежде всего, сначала должны учиться малому, очень простым вещам – просто любезности.

Например, у нас люди часто не здороваются друг с другом. Считается, что поздороваться несколько раз с одним человеком за день –

обоснования этого действия, но для меня, например, этот образ связан с чем-то детским. Знаете, когда дети не знают, как сказать о чем-то, и они показывают руками. Так и мы показываем жестами: «Вот так вот сделай! Господи, пошли Духа Святаго! Я не знаю, как это происходит, не знаю, как Ты это, Господи, делаешь, но прошу Тебя, сделай это».

Так и в нашем подвиге... Конечно, подвигом это назвать трудно, просто наш труд любви. Апостол Павел такую фразу употребляет постоянно: «Труд любви». Вот мы должны трудиться, вести себя, по крайней мере, так, как ведут себя люди, которые любят друг друга, уважают друг друга.

Начинать нужно с простых вещей – с дружбы, доброты, чувства долга, ответственности, взаимного уважения. Попросили тебя что-то

Начинать нужно с простых вещей – с дружбы, доброты, чувства долга, ответственности, взаимного уважения. Попросили тебя что-то сделать – сделай как следует. Если ты несешь ответственность за какую-то организацию, за общество, за семью – делай это как следует. И вот этот труд любви, может быть, однажды превратится в любовь.

это как-то избыточно, мягко говоря. Следует начинать с простых вещей: учиться быть добрыми, стараться быть добрыми, вести себя, как добрые люди.

Я, когда служу литургию, мне очень нравится момент, когда над перенесенными Дарами священник веет покровом. Я поначалу думал: «Что это за такая процедура? Зачем так нужно веять?»

Конечно, есть свои исторические

сделать – сделай как следует. Если ты несешь ответственность за какую-то организацию, за общество, за семью – делай это как следует. И вот этот труд любви, может быть, однажды превратится в любовь.

Нам важно избежать вот такого «розового христианства», когда мы эмоциональную взвинченность нашу принимаем за любовь и доброту. Мир трагичен. И мы далеко не добрые люди. ►

Вот у меня три брата. Наверное, люди, у которых есть братья и сестры, согласятся со мной, что хотя бы раз в жизни у вас возникало желание расправиться с ними. Да, время от времени у нас появляется желание кого-нибудь прибить, расправиться с кем-нибудь. Мы просто люди, такие, какие есть. Но Господь нам доверяет прожить жизнь достойно, и не нужно пренебрегать такими простыми вещами, как чувство долга, уважение.

Мне кажется, любая семья нормальная должна именно зиждиться не на влюбленности, не на эмоциях, а просто на чувстве долга. Ты – мужчина, ты стоишь у истока рода, ты должен заботиться о своей жене, ты должен заботиться о своих детях, потому что ты несешь очень важную миссию, и поэтому ты – уважаемый человек.

У нас эта категория «уважаемый человек» сейчас вообще исчезла. Когда говорю «уважаемый человек», мне говорят: «Ты, наверное, с Кавказа приехал, да?» Ведь уважаемый человек – это, например, священник, учитель, врач, это человек, который много трудился и заслужил уважение. Всякий мужчина, который достойно воспитывает своих детей, защищает свою женщину, заботится о родителях – это уважаемый человек.

Это очень просто, и не нужно каких-то подвигов особых, не нужно далеко идти, в какую-то эйфорию впадать. Живи достойно, в простоте, трудись, делай дело своими руками, строй семью на чувстве долга и уважения. Просто уважайте друг друга, а потом, если у вас все будет получаться, если вы будете терпеливы в этом труде, Господь пошлет и любовь. Это настолько простые, но глубокие вещи, которые, могут быть весьма показательны. Но если ты самого простого не пережил, не достиг, ты никогда не узнаешь большего.

И то же в отношении детей. Корней Чуковский к своему «Крокодилу» сделал такое посвящение: «Моим многоуважаемым детям».

Понимаете, «многоуважаемые дети»! Но и детей нужно приучать к уважению к родителям. Они не сами по себе, они не слуги, в известном смысле, для родителей.

Мне очень нравилось в старой русской литературе, что дети обращались к своим родителям по имени-отчеству, вставали в их присутствии. Совершенно простые вещи, но этому надо учиться и учить. Например, приучить ребенка молчать, когда взрослые разговаривают.

В моем детстве, например, если был какой-то семейный праздник (а у нас семья гигантская просто), детям накрывали отдельно, они никогда не слушали взрослые разговоры. Встревать в разговоры между взрослыми считалось просто неприлично.

А современный ребенок, чаще всего, ведет себя так, будто он – центр вселенной, и все должны на него обращать внимание. Это уже неправильно, каждый должен знать свое место, ребенок – свое место, взрослый – свое. И все призваны проявлять взаимное уважение, доброту, любезность, учтивость. Это очень важно, без этого фундамента ничего не будет.

Вы можете созидать себя в любви, постигать какие-то мистические энергии, творить в себе синтез какой-нибудь, языками будете говорить, но если вы не будете элементарно бороться за доброту, то ничего не будет.

Об этом писал еще Антоний Великий. Вы можете найти его слова в «Добротолюбии»: да, можно молиться, но если ты за доброту не будешь бороться, не будешь стараться о том, чтобы быть кротким и смиренным, ничего не будет. Ты не будешь ни кротким, ни смиренным. Молиться будешь, но будешь оставаться злым человеком. Вот какой ужас-то, понимаете. Можно быть религиозным, молитвенным, даже чудеса творить, а внутри в тебе будут сидеть эти лягушки.

Вопросы священнику

Не навязывать своих убеждений

«Как правильно относиться к страху и как избавиться от него? Я все время боюсь оказаться неправым, отстаивая свои убеждения. Например, мне очень трудно открыто признавать свое вероисповедание и еще труднее защищать его. Что же делать, ведь нельзя все время сдаваться и отступить?»

Отвечает протоиерей Федор Повный, настоятель храма в честь Всех Святых в Минске, председатель Правления Департамента внешних связей Белорусского Экзархата, руководитель Дома Милосердия:

Действительно, страх бывает разный. Одно дело страх, вызванный в человеке животным инстинктом самосохранения, совсем другое – страх Божий. Об этом никогда не нужно забывать.

Но когда меня спрашивают о страхе сомнения, боязни отстаивать собственные убеждения, я вспоминаю одну удивительную историю.

Мое отрочество и юность пришлись на 60–80-е годы уже прошлого века. Я вырос в семье священника, перед моими глазами всегда был пример благочестивых матери и братьев. Я окончил самую обычную школу, потом институт, отслужил в армии и приехал в один февральский вечер в нашу школу, на встречу с одноклассниками.

К этому времени я был уже священником, потому пришел в рясе и с крестом. И многие преподаватели подходили ко мне под благословение. Потом мы сидели в нашем

классе, пили чай и вспоминали молодость, школьные годы, ведь прошло уже двадцать лет. И вот преподавательница русского язы-

Протоиерей Федор Повный

ка неожиданно сказала, что обрести веру ей помогли... я и мои братья. И пояснила: «Вы никогда не говорили о вере, да это было и запрещено в 70-е годы. Но то, как вы себя вели, как относились к учебе, как общались со сверстниками – всегда свидетельствовало о наличии этой веры. Вы никогда и никому не навязывали своих убеждений, но мы, учителя, понимали, что вам всегда можно доверить ►

серьезное задание – не подведете».

Наверное, в этом и состоит совет. Не может быть «голового» убеждения, а лучшая защита своей веры, при отсутствии красноречия – жизнь по вере, но проявленная не в «смирненничестве» мнимом, а в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа (1 Петр 3:4).

Мешают ли блага цивилизации вере?

«Почему в древности люди были ближе к Богу, чем сейчас? Почему было мало научных открытий?»

Отвечает протоиерей Андрей Ефанов:

Уважаемая Елена, научные знания накапливались постепенно, до того момента, когда сумма накопленных знаний позволила произойти определенному прорыву в этом направлении. Не думаю, что люди в древние века не стремились к удобству и комфорту, просто методы реализации этих целей были ограничены многими факторами. Непростой вопрос, насколько человеку полезны все эти совершенствования. Понятно одно – вернуться в «каменный век» уже невозможно. А, значит, надо использовать все во благо. Например, еще совсем недавно было крайне сложно купить все тома богослужебной литературы.

Сейчас же достаточно 5 минут, чтобы установить полную библиотеку на планшет и отнести ее на клирос. Раньше священник тратил неделю, чтобы посетить все кладбища своего прихода и Родительская суббота

Священник Игорь Фомин

превращалась в «родительскую неделю» (я помню эти времена). Сейчас священник на машине за один день может объехать все кладбища. Проповеди и лекции можно скачать и прослушать на дому. Все это открывает простор для духовной жизни, нужно лишь правильно пользоваться благами цивилизации. А зло существовало всегда с момента грехопадения Адама, так что желающий грешить всегда мог реализовать свои страсти.

www.foma.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru